

17 О Вотчине. В гостях у сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.votchina-dm.ru/page/about>.

18 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

УДК 811.161.1'42:398:811.161.3'42:398:159.937.515.5:271:2-52:4

И. Г. Евтухова

НАЗВАНИЯ ЦВЕТА ОДЕЖДЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И В ТЕКСТАХ ЗАГОВОРОВ

В статье рассматривается наиболее распространенная в текстах русских и белорусских заговоров триада белый – красный – чёрный, а также фиолетовый цвет, используемые для описания одежды персонажей. Анализ колоративов, которые употребляются и в религиозных текстах, невозможен без привлечения информации этнокультурного характера.

Для современного человека изменение цвета не означает изменения сущности предмета в большинстве случаев, однако существуют и исключения: *черная* траурная одежда, *белое* свадебное платье и др. Сравн.: *Белое венчальное, черное печальное*. Данные символические выражения назначения тех или иных цветов одежды появились в нашей культуре сравнительно недавно, однако имеют глубинные исторические корни, а их влияние является достаточно сильным. Одежда может быть разнообразной, и каждый ее вид имеет свое символическое значение. Славяне применяли ткани самых различных цветов, окрашивая их белыми, черными, красными, синими, зелеными и желтыми красителями. Порой в цветах одежды подчеркивается принадлежность к той или иной профессиональной группе.

Принцип цветового дуализма лежит в основе многих символов. Но главные заключены в сочетании *белого* и *черного*, причем эта закономерность в одинаковой степени проявляется как в церковно-религиозных текстах, так и в текстах заговоров.

Белый цвет представляет обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность. *Белый* – “цвет света, символ чистоты и совершенства, универсальный символ невинности души... *Белый* – цвет одежд Девы Марии, ангелов и священников для праздников Благовещения, Рождества и Пасхи как символ духовных и светоносных принципов” (СЛ, с. 156). В Ветхом завете *белый* – это цвет самого Бога, ангелов, святых и праведников: “Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его – как пламень огненный”; “И вышли из храма семь ангелов, имеющие семь язв, облеченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами”; “И увидел я отверстое небо, и вот, конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует”; “И воинства небесные следовали за ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый”.

Христианская религия целиком восприняла символику *белого* из Ветхого завета. *Белый* означал светоносность, родство с божественным светом. В церковной символике *белый* цвет – не просто один из многих других цветов, он есть символ Божественного нетварного света, переливающегося всеми цветами радуги, как бы содержащего в себе все эти цвета. Слова псалма «*Одейся светом яко ризою*» («Ты одеваешься светом, как ризою») включаются в различные песнопения русской церкви. При совершении таинства крещения после погружения в воду на крещаемого надевают *белую* одежду и при этом поют: «*Ризу мне подаждь светлу, одейся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш*» [1, с. 670]. Слова «*одейся светом яко ризою*» здесь ассоциируются с той же *белой* одеждой (или «*светлой ризой*»), в которую облачается человек при крещении.

При преображении Христа его одежды сделались “*белыми, как свет*” (ИЭС, с. 103). По Псевдо-Дионисию, “*белый стихарь* – это образ плоти Христовой, чистейшее бесстрастное

одеяние божественной славы, одежда нетления” [2, с. 104]; *белый* цвет стихаря означает свет, чистоту, непорочность и радость в Царстве Божиим.

Обращение к заговорным текстам показывает, что *белые одежды* являются неизменным атрибутом Иисуса Христа: *Шол сам Исус Христос/Через калинавый мост./На нём шапачька белая,/Рубашэчька белая, /Штаны белые...* (ПЗ, От крови, с. 184); “*Как есть Океан-море, белый камень, на белом камени сам Исус Христос, сам бел и рукавицы белыя, и кнут белый...*” (РН, Слова утечи, 337-338). Присутствие *белого* цвета характерно также для “божественности” святого Георгия (Юрия): рус. “...*Во востоке свет Истинный Христос, на синем море белый камень, на белом камни белый человек, в белом платье, свет Георгий Храбрый...*” (ПСПРН, От сглаза, с. 371; БКРИЗ, с. 468); “...*Стоит Океан-море, в Океане-море белый остров, на белом острове стоит Георгий-христодеец, сам белый и одеянье белое, в руках держит белу льдинку...*” (БКРИЗ, Заговор от первой болезни, с. 376).

Черный цвет, как цвет зла, противостоит белому, как цвету добра. *Черный* цвет как символ смерти обозначал также умерщвление плоти и вообще был знаком всяческого смирения и отказа от мирских радостей. Отсюда происходит *черный* цвет одежды духовенства и монашества [3, с. 85]: “...*На Сиянской горе стоит черный поп, у черного попа черны рукавицы...*” (БКРИЗ, От всех болезней, с. 476).

Как известно, в иконописной традиции черной краской закрашивались только глубины пещеры – символ могилы, ада. Сравн.: “С *черным* цветом в истории мировых цивилизаций связаны только отрицательные стороны, в том числе и черная магия, ведьмовство, подземный мир, наконец, ад” (ЭСЗЭ, с. 485). В восточнославянских заговорных текстах *черный* цвет в качестве “сквозного эпитета” употребляется с такими предметами одежды, как шапка, сорочка, штаны, постолы, онучи: *Шоў человек / Ё чорной шапце,/Ё чорной соручце,/Чорны штаны,/Чорны постолы,/Чорны онучи/(Усё перэкажи, шо е)/И сам черны./Шоў чорной дорогой/З чорной сакирой/Чорного дуба рубаць...* (ПЗ, Чорну болезнь шэптать, с. 251);

Белый и *черный* цвета символизируют противостояние двух миров, двух первооснов в человеческом существе, двух духовных ипостасей. В древности Православная церковь не употребляла *чёрные* богослужебные облачения, хотя повседневные одежды духовенства (особенно – монашества) имели *чёрный* цвет. По Уставу в Великий пост облачались в «багряны ризы», т. е. в облачения тёмно-красного цвета. Впервые в России петербургскому духовенству официально было предложено облачиться в *чёрную* одежду в 1730 году для участия в похоронах Петра II – так *чёрные* облачения вошли в обиход погребальных и великопостных служб.

“Другой цвет, который также постоянно сопутствует богу и его свите, – это *красный*, или огненный, цвет “божественной энергии” и “животворного тепла”. В день Страшного суда престол Всевышнего – “как пламя огня”, колеса его – “пылающий огонь”. *Красный* – это цвет страстей господних, это кровь Христа, пролитая во спасение человечества. По утверждениям богословов, путь Христа на Земле отмечен любовью: это и любовь Бога к человечеству, и материнская любовь Марии, и любовь верующих к Христу” [3, с. 82]. *Красный* цвет имеет апотропеическую семантику, безусловно, и потому, что в народной традиции он символизирует собой всё, что связано со сферой жизни, здоровья и плодовитости, и поэтому противостоит смерти [4, с. 136].

В белорусских заговорах в *красных чоботах* (черевичках) – обуви византийских императоров – представлены Господь и Пресвятая Богородица: *Стояў Господь/На царських вортых,/У чэрвоных чобутых...* (ПЗ, Як родить дитя, с. 38); “...*Ішла Прасвятая маць Бугуродзіца на калінавым мосту, у красных чаравічках, з краснай трасцінай, з святымі апосталамі...*” (Зам., Ад крывацёку, с. 160). *Красный* цвет в церковной символике – это цвет безграничной взаимной любви Бога и человека.

В заговорных текстах прослеживается также и связь рассматриваемого колоратива *красный* со свадебной обрядностью: “*Пресвятая Мати Богородица! Покрой мою голову красным кокошником, золотым подзатыльником*”; “*Батюшка Покров, мою голову прикрой красным повойником, золотым подзатыльником*” (РН, Слова невест, желающих замуж, с. 372).

Фиолетовый цвет использовался в раннем средневековье как цвет мантий высшего духовенства. *Фиолетовый* цвет связывают со сдержанностью, умеренностью, духовностью и раскаянием, а также переходом от жизни к смерти. Это, возможно, основано на смешении красного (огонь, страсть) и синего (разум, небо) цветов. В русском заговорном тексте встречается словосочетание *фиолетовые ризы*: «...Украшаюся аз, раб Б. (имя рек), саваном светлообразным, фалетовы ризы, своей светлообразною зарёю, и стану пред образом Божиим и святою иконою на место своё, аки на золотый престол поднебесный, и реку глаголом, и твою молитву Иисусову...» [РН «Молитва от нечистого духа», с. 333]. Представляется вероятным то, что мотив чудесного одевания в данном заговоре может быть соотнесён с символической одежностью православного духовенства.

Христиане считали *фиолетовый* цвет цветом унижения, печали и глубокой привязанности. Поэтому в некоторых изображениях Страстей Господних Иисус и Мария одеты в *фиолетовые* одежды [НССЗ, с. 712-713]. В «Православном календаре» отмечается, что «воскресные службы Великого поста и праздников в честь Креста Господня совершаются в *фиолетовых* облачениях. Этот цвет, замыкающий цветовую гамму, напоминает о том, что Христос на кресте окончил свой земной подвиг и дело нашего спасителя». *Фиолетовый* цвет поражает глубочайшей духовностью. В качестве знамения высшей духовности в сочетании с представлением о крестном подвиге Спасителя этот цвет употреблен для архиерейской мантии, так что православный епископ как бы облачается весь в крестный подвиг Небесного Архиерея, образом и подражателем которого епископ является в Церкви. Подобные же смысловые значения имеют и наградные фиолетовые скуфии и камилавки духовенства. «Этот цвет – символ таинственности, глубины и чувственности. Самый противоречивый цвет... *Фиолетовый* цвет всегда считался магическим, так как он воздействует на психику человека, подавляя ее и настраивая на волшебство» [СЛ, с. 163]. Таким образом, цветовое сочетание *фалетовы (фиолетовые) ризы* в русском заговорном тексте передаёт ощущение царственности и обладает особой внутренней мощью.

Таким образом, наиболее распространенной в текстах русских и белорусских заговоров является триада *белый – красный – чёрный*. *Белый* и *чёрный* цвета находятся на полярных точках цветового спектра, а символические значения цветов одежды *белого* и *чёрного* цветов в заговорах антонимичны. Сложившийся канон цветов богослужебных облачений состоит из *белого* цвета (символизирует божественный нетварный свет), семи основных цветов спектра солнечного света, из которых состоит *белый* цвет (во исполнение слов Иоанна Богослова — «на престоле был Сидящий... и радуга вокруг престола» (Откр. 4: 3–4), а также *чёрного* и *фиолетового* цветов (символизирует отсутствие света, небытие, смерть, траур или отречение от мирской суеты).

Список использованных источников

- 1 Бычков, В. В. Византийская эстетика / В. В. Бычков. – М. : Искусство, 1977. – 199 с.
- 2 Откровение 1 (15, 19, 3); 4 (3, 4).
- 3 Миронова, Л. Н. Цветоведение / Л. Н. Миронова. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 151 с.
- 4 Левкиевская, Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002. – 912 с.

Принятые сокращения

БКРИЗ – Большая книга русских исцеляющих заговоров / Авт.-сост. М. В. Рейли. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 511 с.; Зам. – Замовы / Уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мн., 1992. – 599 с.; ИЭС – Иллюстрированная энциклопедия символов / Сост. А. Егазаров. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 400с.; НССЗ – Турскова Т. А. Новый справочник символов и знаков. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 800 с.; ПЗ – Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / Сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003. – 752 с.; ПСПРН –

Даль В. И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.; РН – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – Мн., 1991. – 608 с.; СЛ – Символы и их влияние на людей / Авт.-сост. Л. В. Аксенова, В. Т. Гридина. – М.: ООО АСТ, 2004. – 420 с.; ЭСЗЭ – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. – М.: Локид-Миф, 1999. – 576 с.

УДК 811.161.2'271.16

Ю. В. Єловська

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «СМЕРТЬ» В УЯВЛЕННЯХ УКРАЇНЦІВ

В статті розглядається словесна фіксація концепта «смерть» в речі українців, визначаються особливості використання лексических одиниць, називаючих виділений концепт в процесі обцинення, а також фактори, способствующие его табуизации.

Мова – один із найголовніших чинників, який вирізняє певну національну спільноту з-поміж інших, виражає її етнічну самобутність і неповторність. За В. Масловою, мова постає фактом культури, її складовою частиною, у якій акумулюються ключові концепти культури народу [5, с. 53]. Зацікавлення дослідників проблемою ідентифікації сутності концепту, його диференціації у площині різних етнокультур засвідчує поява низки наукових публікацій зарубіжних і вітчизняних мовознавців (М. Болдирев, С. Воркачов, О. Залевська, В. Карасик, О. Кубрякова, В. Маслова, З. Попова, Ю. Степанов, Й. Стернін, І. Штерн та ін.) [1; 4; 5]. Серед науковців й досі немає одностайної думки щодо трактування цього терміна, однак фахівці сходяться на тому, що під концептом слід розуміти ментальне національно-специфічне семантичне утворення, яке характеризує носіїв окремої етнокультури [5, с. 36]. Планом змісту концептів є вся сукупність знання про певний об'єкт навколишньої дійсності, а планом вираження – сукупність різних мовних засобів. Концептами стають тільки ті явища дійсності, які актуальні й цінні для цієї культури, мають велику кількість одиниць для їхньої фіксації, виступають темою прислів'їв і приказок, поетичних, прозаїчних текстів тощо [4; 5, с. 28].

Особливий інтерес лінгвістів сьогодні викликає концептосфера сакрального та її мовленнєве втілення. Вивченню цього питання присвячені наукові розвідки таких мовознавців як М. Скаб, П. Мацьків, К. Голобордько, Т. Вільчинська, А. Демченко, В. Карасик, О. Селіванова та інші. Оскільки концептосфера сакрального діє в рамках етнокультури, яка формує у свідомості її носіїв певні правила й норми поведінки, доречно підкреслити, що сукупність сакральних концептів впливає на формування певних заборон і пересторог, яких має дотримуватися людина. Одним з таких ціннісно-значущих концептів стає образ *смерті*. В уявленнях українців смерть має амбівалентну природу. З одного боку, вона уособлює припинення існування людини чи тварини, її кончину, а з іншого, – перехід в інший світ або форму існування (наприклад, українці вірили, що помираючи, людина або засинає, або стає охоронцем родини) [2, с. 553–554]. Страх і благоговіння перед смертю змушують виявляти поважне ставлення як до самої події, так і до супровідних явищ (поховальні церемонії, поведення з померлим, ритуалізована поведінка живих на кладовищі тощо). Узагалі все, що пов'язане з втратою життя й поховальними процесіями, потребує особливої уваги й обережності, оскільки ця обрядова діяльність містить низку заборон й обмежень, так само певні табу накладаються й на процес говоріння.

Обережність у слововживанні, яка є специфічною характеристикою представників української лінгвоспільноти, простежується й у використанні лексем на позначення смерті. Побоювання прямого вживання слів *смерть*, *померти*, *мрець* пов'язуємо з вірою в магічну силу слова та первісним страхом накликати на себе нещастя. Відповідно, людина намагається уникати промовляння експліцитних лексем-репрезентантів смерті, замінюючи їх перифразами.